

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В АКТУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ЮНЕСКО

DOI 10.34685/NI.2026.13.84.008

Спивак Дмитрий Леонидович,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Российского научно-
исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: d.spivak@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее актуальные проблемы и перспективы разработки и применения фундаментального концепта культурного наследия в Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (2022-2029), с учетом итогов имплементации ее первого четырехлетнего периода. По данным анализа ряда первостепенных документов, принятых в его рамках – от Итогового акта Всемирной конференции ЮНЕСКО по культурным политикам и устойчивому развитию («Мондиакульт-2025») до «Глобального доклада ЮНЕСКО по культурным политикам» (2025), и «Призыва к Действию «Дух Неаполя» принятого на первой Конференции ЮНЕСКО по Культурному Наследию в XXI Веке (2023), и подтвержденного на второй (2025) – выявлено наличие общего, парадигматического сдвига, состоящего в акцентировании роли наследия, как носителя ценностей, норм и стереотипов поведения, определяющих культурную идентичность личности и общества. Охрана и продвижение культурного наследия, понимаемого таким образом, способна оказать весомую поддержку обществу по линии укрепления его жизнестойкости перед лицом нарастающих природных бедствий и вооруженных конфликтов, то есть касается не только и не столько прошлого, сколько будущего.

Ключевые слова: культурное наследие, ЮНЕСКО, Среднесрочная стратегия, культурная идентичность, культурное разнообразие, межкультурный диалог.

Охрана и продвижение культурного наследия занимают почетное место в числе целей ЮНЕСКО, история которой насчитывает уже более 80 лет. Так, уже в первой статье Конституции ЮНЕСКО, принятой в 1945 году и определившей, согласно ее заглавию, ключевые «Цели и функции» ЮНЕСКО, было указано, что в них входит «обеспечение сохранения и защиты мирового наследия в виде книг, произведений искусства и памятников истории и науки» [2, с. 6] (здесь и далее цитаты из официальных документов ЮНЕСКО приводятся в нашем переводе с английского).

В ходе дальнейшей работы это определение разрабатывалось и вглубь, и вширь, но в принципе сохраняло как свой основной смысл, так и общую направленность. В числе документов, определивших основное русло этого поступательного движения, называются прежде всего Гагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954) и Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия (1972). К примеру, в недавнем отчете Исполнительного Комитета ЮНЕСКО, посвященном не обсуждению исторических, а коррекции текущих проблем работы, было особо отмечено, что «...70-летняя годовщина Гагской Конвенции (1954) сфокусировала внимание мировой общественности на охране культурных объектов как в военной, так и в мирной обстановке, на укреплении нормативного регулирования международного сотрудничества в области охраны наследия» [8, с. 6]. Примеры такого постоянного обращения к тексту давно заключенных конвенций легко умножить.

В конце этого развития, воплощенного в тексте целой последовательности нормативных документов ЮНЕСКО, стоит действующая Среднесрочная стратегия данной организации, рассчитанная на 2022-2029 годы. К настоящему времени первое четырехлетие ее выполнения завершено. Как следствие, представляется уместным и целесообразным подвести промежуточные итоги выполнения данной Стратегии, выделить основные теоретические инновации и наметить ближайшие перспективы ее проведения в жизнь. Данная группа взаимосвязанных задач, рассмотренных применительно к теме культурного наследия, составляет предмет настоящей статьи.

При сопоставлении действующей Среднесрочной стратегии (2022-2029) с текстом предшествующей ей Стратегии 2014-2021, мы должны прежде всего отметить, что главная целевая установка (по традиции, получившая название «Миссия ЮНЕСКО») никак не изменилась. В соответствии с мандатом данной организации в нее включены: миротворчество, борьба с нищетой, обеспечение устойчивого развития и межкультурного диалога, достигаемые при помощи образования, культуры, науки, а также коммуникации и информации [4, с. 11; срав.: 3, с. 13]. При этом в тексте предыдущей Стратегии было выделено восемь «Стратегических целей», одна из которых имела весьма емкое наименование «Защита, продвижение и передача наследия». Ничего подобного в тексте новой Стратегии мы не находим. Произошло это в силу установки, которую можно определить как «укрупнение целей». В рамках такового число «Стратегических целей» было уменьшено до четырех, представивших сферы образования, экологии, культуры и технологий (прежде всего, цифровых).

В новой Стратегии охрана культурного наследия также присутствует, однако же не как самостоятельная, приоритетная область, а как инструмент, в принципе однопорядковый продвижению культурного многообразия или обеспечению свободы самовыражения, направленных в принципе в одну точку, определенную как «построение инклюзивных, справедливых и мирных обществ», что и составляет ядро «Стратегической цели 3». Нужно признать, что в этой формулировке задачи, поставленные перед культурой, выглядят как разнородные, а в некоторой степени, и разнонаправленные.

Восстанавливая логику включения наследия в данный контекст, мы можем заметить, что оно мыслится как часть более общего процесса, направленного на преобразование миропорядка в целом. Нынешнее его состояние мыслится авторами новой Стратегии как глубоко внутренне взаимосвязанное и в то же время фрагментированное (“both interconnected and fractured”). Последнее видится следствием несогласованности жизненных установок и идеалов многочисленных сообществ, а первое позволяет локальным кризисам выходить на глобальный уровень. ЮНЕСКО видит свою задачу здесь в налаживании многоуровневых и многоформатных межкультурных диалогов, направленных на установление взаимопонимания между такими сообществами, а с ходом времени – и сотрудничества. Как следствие, будет сделан шаг в правильном направлении, которое представляется ЮНЕСКО как установление открытых и мирных «обществ знания» [4, с. 27].

В рамках такого мировоззрения культурное наследие играет важную, однако все же служебную роль. Говоря более строгим языком, данному фундаментальному концепту приписаны три базовых свойства, а именно – инструментальность, идентитарность и трансформативность. Инструментальность состоит в том, что наследие рассматривается не столько в качестве феномена, обладающего самостоятельным значением (хотя наличие у него такого свойства в принципе не отрицается), сколько, в первую очередь, на правах инструмента, позволяющего достигнуть ключевых целей стратегии.

Идентитарность состоит в том, что культурное наследие рассматривается в качестве фундамента, определяющего структуру и содержание культурной идентичности его носителя. Следует заметить, что, поскольку основное содержание наследия – или, по крайней мере, ядерная часть такового – осваивается его носителем на довольно ранних стадиях онтогенеза и потому не подлежит быстрой пересборке, такое видение идентичности может быть определено как умеренно эссенциалистское, что в современных науках о культуре отнюдь не является общепринятым. Надо отметить, что следы такого подхода прослеживались еще в тексте Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (2014-2021) – в частности, в знаменитой формулировке, определявшей ценность наследия через то, что оно воплощает в себе «идентичность и принадлежность» [3, с. 24].

В новой Стратегии (2022-2029) этот тренд продолжается, причем весьма креативным образом. Имплементация «Стратегической цели 3» развернута по трем Результатам, в одном из которых концепты культурного многообразия и культурного наследия сцеплены воедино в рамках более сложного, составного конструкта «многообразия наследия», и порознь они нигде более в формулировках Результатов не встречаются («Результат 6: Способствовать охране и продвижению многообразия наследия и [средств. – Д.С.] культурного выражения» [4, с. 27]). Если мы правильно понимаем цитированную формулировку, разное культурное наследие видится здесь основным источником культурного многообразия, причем относятся они друг к другу, как причина и следствие, отношения между которыми разыгрываются на поле личной, групповой либо общественной идентичности.

Надо сказать, что нам уже доводилось ранее обращаться к анализу этого сложного концепта и даже предполагать, что он отражает общий сдвиг от парадигмы мультикультурализма к интеркультурализму,

допустимость и даже желательность которого стали с недавних времен постулироваться некоторыми серьезными западными теоретиками. Мы же отметили, прежде всего, его соответствие объединяющему российских ученых пониманию наследия как носителя традиционных духовно-нравственных ценностей, роль которого в культурном процессе следует рассматривать как определяющую [12, с. 5-6].

Трансформативность состоит в том, что по мере углубления межкультурного диалога все его стороны рано или поздно обнаруживают в составе собственного наследия зоны и феномены, способствующие взаимному сближению. В документах ЮНЕСКО таковые нередко проходят под рубрикой «общие истории и совместные воспоминания» (“common histories and shared memories”). Эта же формулировка нашла себе место в тексте «Стратегической цели 3» новой стратегии [4, с. 29].

Инструментальная роль, придаваемая наследию, пронизывает все четыре выдвинутых в Среднесрочной стратегии (2022-2029) «Стратегических цели». Так, применительно к образованию, открывающему список этих целей, оно сразу упоминается в списке «неформальных образовательных сред» (“non-formal education environments”), расцениваемых ЮНЕСКО как инновационный и весьма эффективный механизм получения знаний и укрепления солидарности. В тексте Стратегии этот список включает в свой состав «объекты Всемирного наследия, элементы нематериального наследия, отдельные составляющие Памяти Мира, биологические резерваты, Глобальные Геопарки ЮНЕСКО», а также музеи [4, с. 22].

В формулировке «Стратегической цели 2», посвященной экологии, сразу упоминается природное наследие, что надо признать совершенно уместным. Ниже по тексту оно сопрягается с культурным наследием в рамках единого, сложного концепта «природное и культурное наследие». Причин на это приводится две: с одной стороны, изменения климата, приводящие к учащению катаклизмов, наносят ущерб как природному, так и культурному наследию. С другой стороны, система разумных, хорошо продуманных мер по охране, включающая не в последнюю очередь «живое наследие» коренных малочисленных народов, способна внести весомую лепту в спасение экосистем.

О «Стратегической цели 3», посвященной культуре, уже было сказано выше. Отметим, что при ее разработке перечислены ключевые типы культурного наследия (материальное (движимое и недвижимое), подводное, документальное и нематериальное), а также подчеркнуто, что правильное управление им способно оказывать действенную помощь в «пересоздании и оживлении культурной жизни в странах, подвергшихся удару природных бедствий и конфликтов» [4, с. 27].

В рамках четвертой цели, направленной на оптимизацию технологической среды, прежде всего по линии ликвидации «цифровых разрывов» и достижения Целей устойчивого развития ООН в области «искусственного интеллекта, технологий больших данных, интернета вещей и блокчейна», нашла себе место и задача «сохранения и обеспечения доступности документального наследия» [4, с. 31-32].

Первое четырехлетие выполнения Среднесрочной стратегии (2022-2029) завершилось в конце 2025 года. Этот срок представлял собой удобную веху для подведения промежуточных итогов, а также и для коррекции планов. Как отмечалось в ряде докладов, посвященных указанной проблематике, в общем и целом Стратегия доказала свою актуальность и эффективность. Оставляя в стороне административные и экономические оценки и коррективы, мы обратимся к предпринятой в них разработке содержательного аспекта работы ЮНЕСКО. Ключевым в этом отношении представляется Доклад Исполнительного комитета, посвященный «Имплементации текущей программы и бюджета (42 С/5), с результатами, достигнутыми в 2022-2025 гг.» [8, с. 6] (полезный его общий контекст см. [7]).

Особенностью Доклада является то, что его основной материал распределен по пяти Крупным программам («I – Образование», «II – Естественные науки», «III – Общественные и гуманитарные науки», «IV – Культура», «V – Коммуникация и информация»). Соответственно, сразу же возникает необходимость мысленного соотнесения четырех Стратегических целей Среднесрочной стратегии – с пятью Крупными программами Доклада. Причина этого положения вполне понятна: она состоит в необходимости согласовать цели перспективного планирования с существующей административной структурой ЮНЕСКО.

Проблематика наследия сосредоточена прежде всего в разделе Доклада Исполнительного комитета, посвященном выполнению «Крупной программы IV – Культура». Обращаясь к его первому разделу, носящему название «Ключевые достижения», мы находим ряд ссылок на выпущенные в ходе первого четырехлетия выполнения Среднесрочной стратегии концептуальные документы, в которых уже были

обобщены наиболее важные наблюдения и выводы. Приняв этот список за путеводную нить, мы обнаружим названия двух стратегических документов, выпущенных в ходе 2024 года.

Первым из них является «Пакт Будущего», принятый в качестве заключительного документа Саммита мировых лидеров, собравшихся осенью 2024 года в штаб-квартире Организации Объединенных Наций. Пакт представляет собой скорее собрание стратегических документов, основная направленность которого наиболее емко представлена в «Декларации о Будущих Поколениях». Наследие упомянуто в Декларации всего один раз, но в достаточно важном контексте. Как значится в тексте Статьи 15, ООН обязуется «уважать, продвигать и сохранять культурное многообразие и культурное наследие, так же, как языки, системы знания и традиции, и поощрять межкультурный и межрелигиозный диалог, включая меры по возвращению или возмещению культурной собственности...» [6, с. 54]

Если мы правильно понимаем цитированный только что текст Статьи 15, ООН призывает в ней продвигать межкультурный диалог на поле, сформированном культурным разнообразием, которое, в свою очередь, восходит к культурному наследию. В общем и целом это положение вполне соответствует новому пониманию наследия, нашедшему себе отражение в сложном концепте «разнообразия наследия», о котором мы уже говорили выше применительно к Стратегической цели 3 текущей Стратегии ЮНЕСКО.

Чуть выше по тексту «Декларации о Будущих Поколениях», а именно, в Статье 4, мы находим еще одно интересное положение. В нем говорится о краеугольном значении межпоколенческого диалога и солидарности между поколениями для процветания будущих поколений. Полем же этого диалога видится именно семья, находящая себе поддержку и опору в «семейно-ориентированной политике». Вряд ли мы ошибемся, увидев здесь признание значимости семейного наследования в культурном процессе в целом.

Вторым из упомянутых документов является «Рамочный документ ЮНЕСКО по преподаванию культуры и искусств», принятый в заключение Всемирной конференции по данной тематике, проведенной ЮНЕСКО зимой 2024 года в Абу-Даби при широком участии министров культуры и просвещения из многих стран мира. В соответствии и с отсылкой к более ранним декларациям данной международной организации, культура определяется в нем как «ансамбль определенных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных признаков, присущих обществу или общественной группе, который включает в себя не только искусства и изящную словесность, но и стили жизни, ключевые права человека, системы ценностей, традиции и верования» [9, с. 3].

Далее в тексте, при формулировании так называемых «Ключевых принципов» Рамочного документа, вводится требование «признания культурного разнообразия как определяющего признака и общего наследия человечества» [9, с. 4]. Первый из этих атрибутов подразумевает признание разнообразия идентичностей, или их «плюрализма». Действительно, немного ниже по тексту Документа именно этот термин и появляется. Что же касается второго атрибута, то он сопрягает концепты разнообразия и наследия. Такая установка вполне согласуется с основным содержанием составного концепта «разнообразия наследия», особо выделенного в Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (2022-2029).

Что касается теории культурного наследия, то здесь Рамочный документ не предлагает сколько-нибудь существенных нововведений. В тексте подтверждена важность охраны природного и культурного наследия. В рамках последнего выделено материальное и нематериальное наследие. Единственная инновация, касающаяся материального наследия, состоит в определенном акценте на термине «места памяти и наследия» (“heritage and memorial sites”). Можно предположить, что здесь нашла себе отражение общая тенденция к расширению границ объектов охраны от памятников и ансамблей – к достопримечательным местам. Что же касается нематериального наследия, то тут заметно особое внимание, приданное в Рамочном документе понятию «живых культур» и особенно их носителей. Эта тенденция также находит себе соответствие в интересе к «традиционному знанию и лучшим практикам», которое легко прослеживается в тексте текущей Среднесрочной программы ЮНЕСКО.

Третий документ, упомянутый в тексте Доклада Исполнительного комитета, носит название «Призыва к Действию «Дух Неаполя». Собственно, сам этот документ был принят на I Конференции ЮНЕСКО по Культурному Наседию в XXI Веке, прошедшей в конце 2023 года в Неаполе. После этого решено было периодически проводить конференции, посвященные проведению в жизнь положений этого документа в том же городе, откуда и происходит принятое в экспертном сообществе ЮНЕСКО их сокращенное наименование «Неапольских конференций». На II Конференции, проведенной летом 2025 года, никаких теоретических инноваций предложено не было. Участники единодушно подтвердили значимость

«Призыва к действию» 2023 года и сосредоточились далее на чисто практических вопросах. Как следствие, и мы обратимся здесь к тексту данного, стратегического документа первой Неапольской конференции.

Исходной точкой для «Призыва к Действию» взяты две конвенции, принятые ЮНЕСКО в 1972 и в 2003 году: первая из них была посвящена Всемирному наследию, вторая – нематериальному культурному наследию. Общая цель ставится в «Призыве» как «генерация более значимых синергий между Конвенциями 1972 и 2003, направленных на продвижение и более эффективную охрану и сбережение наследия во всех его формах». Для этого авторы «Призыва» считают необходимым усилить и дополнить существующее определение наследия. Новое, «расширенное понимание культурного наследия включает в себя репрезентации, выражения, знания и навыки, передаваемые из поколения в поколение, свидетельствуя о богатом многообразии культурного капитала для устойчивого развития народов и сообществ по всему миру» [1, с. 2].

В первую очередь, такое, существенно доработанное, определение распространяется на ключевые сферы наследия: «Приняв во внимание внутреннюю взаимозависимость между нематериальным культурным наследием и материальным культурным / природным наследием, следует в идеале рассматривать их как "Наследие Человечества в Целом"» (Human Heritage as a Whole). Теоретический потенциал указанной инновации, переводящей науку о наследии на рельсы холизма, следует считать немалым. При этом оговорка «в идеале», бросающаяся в глаза при первом знакомстве с текстом данного положения, говорит о том, что дискуссия о целесообразности использования нового фундаментального концепта не завершается, а скорее начинается.

Во-вторых, нужно отметить, что концепт культурного многообразия занимает весьма важное место в цитированном определении. Между тем, должный его учет подразумевает непосредственное обращение к культурным сообществам, существующим на местах – то есть, так сказать, «локализацию наследия». Далее в тексте Призыва мы наблюдаем сдвиг именно в эту сторону: «Необходимо сохранять культурное – как нематериальное, так и материальное – и природное наследие в рамках холистического подхода, включающего его богатое многообразие в целом, обеспечивая равный доступ и участие для всех, а также основываясь на усиленной связке между наследием и местными сообществами, формирующей самую сердцевину культурных стратегий...» Важность данного сдвига подчеркнута и тем, что выражение «Дух Неаполя», включенное в состав названия данного стратегического документа, и связано, по мысли его авторов, с характерными именно для этого города «фундаментальными связями между локальными сообществами и их природным, культурным и живым наследием» [1, с. 2].

Третий аспект, заслуживающий внимания в комментируемом определении, состоит в непосредственной связке между культурным многообразием, взятым как данность, и устойчивым развитием «народов и сообществ» – как целевая установка. Такая конкретизация прямо включает многообразие в контекст Целей устойчивого развития ООН и, как следствие, придает ему высокую значимость.

Четвертый документ, упомянутый в тексте раздела «Ключевые достижения» в сфере культуры, представляет собой, собственно, довольно объемистую коллективную монографию, увидевшую свет в 2025 году под заглавием «Глобальный доклад ЮНЕСКО по культурным политикам». Подзаголовок гласит: «Культура: Отсутствующая ЦУР». Последняя аббревиатура означает, вне всякого сомнения, Цели устойчивого развития, провозглашенные в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой осенью 2015 года. Что же касается эпитета «отсутствующая», то здесь, очевидно, подразумевается, что культура рассматривается в указанной резолюции исключительно в качестве инструмента для достижения других, более актуальных целей, а в качестве феномена, обладающего самостоятельной ценностью, не рассматривается.

Сказанное требует уточнения. Культура упоминается в Цели 4 «Качественное образование», а в ее рамках – в Задаче 4.7, призывающей оценить в полной мере размер вклада культуры в устойчивое развитие. Другой пример составляет Цель 11 «Сделать города инклюзивными, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми». Здесь следует выделить Задачу 11.4, призывающую к сохранению «... мирового культурного и природного наследия». Эти фрагменты, вне всякого сомнения, хорошо известны составителям Глобального доклада и даже вскользь упомянуты ими в разделе, получившем характерное название «Культура как катализатор устойчивого развития». Однако же авторам Доклада не по душе именно такая, служебная функция, придаваемая, по их мысли, культуре.

Продумывая набор ключевых концептов, которые предполагается переработать в первую очередь, авторы называют «культурные права, наследие и многообразие в рамках устойчивого развития» [10, с. 5]. Памятуя об основной теме настоящей статьи, мы остановимся лишь на втором из них, то есть на культурном и природном наследии.

Первая инновация, четко прослеживаемая в тексте Глобального доклада ЮНЕСКО, состоит в том, что наследие понимается не только как сбережение остатков прошлого, но как вектор развития, устремленный в будущее: «Наследие придает форму коллективному ощущению идентичности и принадлежности человечества, репрезентируя наследство, полученное нами от прошлого, то, с чем мы живем сегодня, и то, что мы передадим будущим поколениям» [10, с. 227]. Задача охраны и продвижения наследия приобретает, таким образом, триединый характер. Прежде всего, она состоит в сбережении опыта предшествующих поколений, формировании и воспроизводстве соответствующей ему культурной идентичности. Далее, она подразумевает коррекцию и достройку идентичности с тем, чтобы справиться с новыми вызовами, не утратив традиционных ценностей и образцов поведения. Наконец, она состоит в осознанной и бережной трансляции наследия будущим поколениям – так сказать, в «проектировании будущего» на базе наследия.

Такой подход, безусловно, значительно более сложен, чем реставрация и показ памятников прошлого. Однако он нужен для решения задачи принципиально другого, более высокого уровня – повышения степени устойчивости отдельных сообществ и общества в целом перед лицом новых вызовов и катаклизмов: «Укрепление культурной жизнестойкости (resilience) включает в себя поддержку местных сообществ в деле защиты и сохранения своего природного и культурного наследия» [10, с. 227].

Вторая инновация, которая привлекает наше внимание в тексте Доклада, состоит в продвижении концепта «многовещного наследия» (diverse heritage). Ход мысли здесь строится так: каждое современное общество является многообразным в культурном отношении. Носителями этого многообразия являются культурные сообщества, каждое из которых располагает собственной идентичностью или набором таковых, формирующихся и функционирующих под определяющим воздействием своего культурного наследия. Как следствие, для налаживания и укрепления межкультурного взаимопонимания необходимо найти в соответствующих культурах сегменты, допускающие и поощряющие межкультурное взаимодействие, выраженные в структурах коллективной идентичности и обусловленные «многовещностью наследия».

Что же касается налаживания такого взаимодействия, оно мыслится экспертам ЮНЕСКО как верный путь к снижению напряженности в обществе, то есть, опять-таки, к решению задачи более высокого, стратегического уровня: «... многообразие наследия представляет собой критически важный ресурс для упрочения межкультурного взаимопонимания и уважения, способствуя общественной солидарности путем совместного признания множественных культурных традиций и исторического опыта» [10, с. 47].

Намечая конкретные очертания культурной политики в сфере «многовещного наследия», авторы Глобального Доклада отмечают, что они в большой степени определяются как конкретным культурным контекстом, так и более общим посылом – «содержательным диалогом поверх разных культурных идентичностей» [10, с. 57]. Вместе с тем, и здесь выделяются некоторые приоритетные приемы – «от правовой защиты достопримечательных мест множественного наследия до программ, обеспечивающих представленность сообществ различных меньшинств в интерпретации наследия» [10, с. 47].

Намеченная таким образом стратегия трансформации проявляется и в других областях. Мы говорим прежде всего об учреждениях культуры. В некоторых случаях трансформация этого типа назрела и в принципе уже проводится. Это касается, прежде всего, музеев, присущая которым издавна функция «хранителей наследия» дополняется функциями «межкультурного диалога и примирения, культурного обмена и социального сплочения». Этот тренд возводится авторами к Рекомендации ЮНЕСКО о защите и продвижении музеев и коллекций, их разнообразии и роли в обществе, выпущенной еще в 2015 году. В других случаях общее направление преобразований еще предстоит определить: к примеру, как превратить архивы, «традиционно рассматриваемые как статические хранилища», в «динамические пространства взаимодействия», да еще с помощью искусственного интеллекта [10, с. 86].

Традиционная рубрикация культурного и природного наследия в Глобальном докладе, в общем и целом, сохранена. Не вызывает сомнения ее корректность и целесообразность. Вместе с тем, можно

выделить некоторые сферы, постепенно входящие в круг внимания экспертного сообщества ЮНЕСКО. К ним следует отнести выделение «городского наследия» как перспективного самостоятельного типа наследия. Не вызывает сомнения, что это происходит в связи с особенностями современного города, в рамках которого рукотворная природа приходит на место биологической, а городской фольклор быстро замещает «живые культуры» прошлого. Впрочем, до решительной ломки в соответствующих планах и программах остается еще далеко.

Другой пример составляет так называемое туземное наследие (*indigenous heritage*), дважды упомянутое в тексте Глобального доклада. Принципы его выделения и приемы охраны находятся пока на стадии разработки, значительный импульс которой придало проведение Международного десятилетия языков коренных народов мира (2022-2032), входящего в зону ответственности ЮНЕСКО.

Пятый документ, к анализу которого мы переходим, подвел итоги трудов Всемирной конференции ЮНЕСКО по культурным политикам и устойчивому развитию, прошедшей осенью 2025 года в Барселоне. Мондиакульт-2025 (именно так пишется сокращенное название конференции) представляет собой один из наиболее авторитетных международных форумов, посвященных проблемам современной культурной политики. Первый Мондиакульт был проведен в Мехико в 1982 году с заметным успехом, после чего начатая им традиция прервалась на целых 40 лет. Вторая конференция была созвана там же, в столице Мексики, в 2022 году. Третий Мондиакульт был проведен, как уже было сказано, в Испании при участии более 2300 деятелей культуры из 163 стран, включая, конечно, и нашу страну. В работе барселонского форума приняли участие 118 министров и заместителей министров культуры.

Общий объем материалов, представленных на данной международной конференции, является весьма значительным. Впрочем, задача исследователя здесь облегчается наличием путеводной нити, предоставленной ему самими организаторами. Роль такой нити выполняет «Глобальный доклад ЮНЕСКО по культурным политикам», подготовленный по инициативе руководства ЮНЕСКО и опубликованный в 2025 году с тем, чтобы составить общую платформу для дискуссий Мондиакульт-2025. Несколько выше по тексту настоящей статьи мы уже обратились к этому документу и попытались выделить его ключевые установки по отношению к культурному наследию. Как следствие, в нашу задачу здесь входит проследить, какие из тезисов Доклада были подтверждены в результате их обсуждения на барселонском форуме, а какие были исправлены или дополнены. С целью решения этой задачи, мы обратимся к тексту Итогового документа Мондиакульт-2025.

Первое обстоятельство, обращающее на себя внимание в данном тексте, состоит в очень заметной тревожности его составителей. Культура, по их мнению, стоит перед рядом вызовов и угроз – от изменения климата и сопутствующего ему нарастания разрушительной силы природных катаклизмов до вооруженных конфликтов. Специфика современного этапа развития цивилизации состоит в том, что культура является не столько хранилищем ценностей, нуждающимся в охране со стороны общества, сколько оружием, которое может помочь в деле активного противостояния вызовам и угрозам – точнее, в решении триединой задачи общего их смягчения, а также укрепления адаптивности и жизнестойкости общества.

Непосредственно вслед за этим перед теоретиком встает во весь рост задача выработки арсенала средств и методов, необходимых для решения этого круга задач, и охране наследия здесь придается весьма заметная роль. Собственно говоря, термин «наследие» буквально пронизывает текст Итогового документа. Впервые он появляется во второй его фразе, кратко очерчивающей миссию культуры в мире («Культура способствует всеобщему благосостоянию, культурному многообразию и культурному выражению, сохранению знания и наследия, и всеобщей заботе о планете»). Далее доступ к нему провозглашается одним из ключевых «культурных прав человека». И, наконец, в рамках особого раздела, озаглавленного «Культура, наследие и кризисные ситуации», защита и продвижение наследия определяются как приоритетная цель «культурных политик и практик» на всем протяжении цикла: от «предкризисной готовности» до стадии «совладания с кризисом», а далее – и «пост-кризисного восстановления» [5, с. 1-3].

Более конкретные механизмы задействования наследия в кризисных ситуациях и условиях в тексте Итогового документа лишь намечены. Если мы правильно понимаем интенцию его авторов, ключевым для поддержания и воспроизводства культурной идентичности человека и общества является сохранение памяти, материальным или духовным носителем которой является наследие. В свою очередь, признание и осознание своего наследия существенно повышает уровень жизнестойкости человека и общества и их способности к взвешенному, целесообразному поведению. Как хорошо

сформулировано в тексте раздела «Культура за мир», задача тут состоит в «продвижении культуры, также как и природного и культурного наследия – как материального, так и нематериального – как вектора памяти, идентичностей, примирения и социальной сплоченности, укрепления жизнестойкости и соблюдения прав человека» [5, с. 2].

В силу того положения, что современные общества являются, как правило, поликультурными, защита и продвижение своего наследия рано или поздно приводит его носителей к контакту с представителями других субкультур. В статическом плане это приводит к признанию культурного многообразия своего общества, в динамическом – к осознанию желательности межкультурного диалога. Следуя этим курсом, носители разных культурных ценностей и традиций имеют хорошие шансы избежать межэтнического напряжения и повысить уровень сплоченности общества. Систематическое сближение концептов культурного многообразия и наследия прослеживается в целом ряде положений Итогового документа. В качестве примера приведем формулировку одной из ключевых задач по линии продвижения «культуры мира»: «[Необходимо] бороться против всех видов расизма, дискриминации и предрассудков, которые угрожают свободе художественного выражения, так же, как и культурному многообразию и наследию» [5, с. 2].

Цифровой трансформации посвящено сразу несколько разделов Итогового документа. Весьма показательным представляется тот факт, что при постановке одной из ключевых для данной предметной области задач наследие даже поставлено на первое место: «Использовать искусственный интеллект для охраны и распространения культурного наследия и расширения доступа к культуре» [5, с. 3]. Естественно, что в данном контексте особое значение придано цифровому культурному наследию.

В заключение Итогового документа Мондиакульты, культура определена как «незаменимая движущая сила и инструмент устойчивого развития» и выражена надежда на ее включение в дальнейшие программы и планы в качестве особой, самостоятельной цели. Учитывая тот факт, что участники Мондиакульты-2025 единодушно высказались за проведение конференции на регулярной основе (раз в четыре года), можно выразить уверенность в том, что разработка фундаментальных проблем наследия продолжится и в этих организационных рамках.

Пять основополагающих документов, рассмотренных в предыдущем изложении, содержат практически весь корпус теоретических инноваций, выработанных экспертным сообществом ЮНЕСКО и апробированных руководством данной международной организации в ходе выполнения первой половины ее Среднесрочной стратегии (2022-2029). Возвращаясь к тексту Доклада Исполнительного комитета, посвященного «Имплементации текущей программы и бюджета (42 С/5), с результатами, достигнутыми в 2022-2025 гг.», они определены как «ключевые вехи» (key milestones), размечающие оптимальный курс на подходе к задачам следующего, заключительного четырехлетия Стратегии. Второй раздел итогового текста по Крупной программе «IV – Культура» в соответствии с этим озаглавлен «Вызовы и полученные уроки».

Что касается последних, то «ключевым уроком, полученным в 2024-2025 годах, является постоянно растущая уязвимость культурного наследия перед лицом изменения климата, природными бедствиями, конфликтами и быстрыми технологическими сдвигами; что же касается вызовов, то «культура сама по себе предоставляет мощные ресурсы – нарративы, практики и социальные нормы – которые могут предоставить устойчивые и инклюзивные решения по линии как возникающих, так и долгосрочных глобальных вызовов» [8, с. 6]. В первой из приведенных цитат внимание на себя обращает, прежде всего, выраженный алармизм, ощущение которого весьма обострилось в экспертном сообществе ЮНЕСКО в связи с нарастанием как природных бедствий, так и вооруженных конфликтов. В последней цитате подчеркнута инструментальная функция культуры, а в ее рамках – краеугольное значение основных составляющих культурной идентичности в деле противостояния ключевым вызовам современности.

Разработка собственно теоретических аспектов стратегии ЮНЕСКО на этом в Докладе завершается. Что же касается более прагматичных аспектов Стратегии, то тема культурного наследия находит продолжение и здесь – к примеру, в постановке общей задачи нахождения оптимальных путей «устойчивого финансирования защиты наследия, особенно контексте кризиса», однако рассмотрение арсенала планируемых здесь к использованию приемов и методов составляет задачу особой работы.

Подходы и инновации, разрабатываемые в рамках ЮНЕСКО, традиционно находят поддержку и понимание в нашей стране. Серьезное охлаждение этих связей пришлось на 2022-2025 годы. Оно

было связано с неконструктивной, политизированной позицией, которую заняло тогдашнее руководство ЮНЕСКО. В связи с этим российской стороне пришлось ограничить связи с этой международной организацией участием лишь в тех проектах, где оно приветствовалось и имело шансы стать конструктивным – от пополнения Списка Всемирного наследия до проведения мероприятий Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032). Положение изменилось лишь в ноябре 2025 года, когда в ходе Генеральной конференции ЮНЕСКО, проведенной в Самарканде, Генеральным директором был избран египетский деятель культуры и дипломат Х. Эль-Анани.

Приоритетом нового руководителя ЮНЕСКО, высказанным в ходе предвыборной кампании, была общая деполитизация деятельности данной организации и ее возвращение на путь взаимовыгодного и взаимоуважительного сотрудничества. Положительные сдвиги в работе ЮНЕСКО были своевременно замечены и поддержаны руководством нашей страны. Как отметил в своем поздравительном письме на имя Х. Эль-Анани президент Российской Федерации В.В. Путин, «Россия намерена и впредь принимать активное участие в работе ЮНЕСКО, способствовать достижению целей, стоящих перед этой важной международной структурой». процитировав эти строки в своем выступлении на общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО в конце декабря 2025 года, министр иностранных дел нашей страны, занимающий также пост председателя указанной Комиссии, С.В. Лавров, добавил: «Рассчитываем, что новый гендиректор, которого и я от вашего имени поздравил, воспользуется полученным от государств Мирового большинства кредитом доверия и без раскачки начнет исправлять многочисленные ошибки и подводные мины, которая заложила его предшественница» [11].

В числе первоочередных задач, стоящих перед российским ЮНЕСКО, С.В. Лавров перечислил и несколько направлений, имеющих прямое отношение к наследию. По части культурного наследия – это забота о расположенных на территории нашей страны объектах Списка Всемирного наследия, а также их пополнение. По линии природного наследия – это развертывание сети биосферных резерватов и геопарков. В заключительной части своего выступления председатель Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО затронул и тему охраны нематериального наследия: «Укрепление международных позиций России в гуманитарной сфере должно оставаться в фокусе нашего внимания и на перспективу. Уверен, что здесь будем продолжать работать слаженно и инициативно. В этой связи предлагаю подумать о целесообразности подключения к новым для нас механизмам ЮНЕСКО, в частности, популяризации культурного и языкового наследия народов нашей страны и уникального опыта по его сохранению, чему могло бы способствовать присоединение к Конвенции об охране всемирного нематериального наследия 2003 г. Мы все знаем про эту Конвенцию, высказывали на разных этапах нашей работы различные точки зрения. Сейчас можно было бы еще раз посмотреть на эту тему в межведомственном формате» [11].

Следует отметить, что эта тематика, также как и основные аспекты стратегии ЮНЕСКО в целом, научной общественности нашей страны хорошо знакомы и разработаны в ряде научных изданий – прежде всего, подготовленных силами научно-исследовательского коллектива Института Наследия [12; 13; 14; 15].

На основании сказанного можно сделать следующие основные выводы:

1. В рамках действующей в настоящее время Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (2022-2029) сохранен ряд ключевых характеристик культурного наследия: от его разделения на Всемирное, материальное и нематериальное, подводное, цифровое наследие до наделения его функциями инструментальности, идентитарности и трансформативности, просматривающимися при внимательном культурологическом анализе.
2. Важнейшие изменения, внесенные в понимание фундаментального концепта на первом четырехлетнем этапе выполнения Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО, были кодифицированы в тексте ряда принятых ею стратегических документов – от Итогового акта Всемирной конференции ЮНЕСКО по культурным политикам и устойчивому развитию («Мондиакульт-2025») до выпущенного в ее преддверии «Глобального доклада ЮНЕСКО по культурным политикам» и «Призыва к Действию “Дух Неаполя”», принятого на первой Конференции ЮНЕСКО по Культурному Наследию в XXI Веке (2023) и подтвержденного на второй Конференции (2025).
3. В соответствии с предложенной нами реконструкцией, культурное наследие начинает во все возрастающей степени рассматриваться в качестве носителя ценностей, норм и стереотипов поведения, определяющих культурную идентичность личности и общества. Охрана и продвижение

культурного наследия, понимаемого таким образом, способна оказать весомую поддержку обществу по линии укрепления его жизнестойкости перед лицом нарастающих природных бедствий и вооруженных конфликтов, то есть касается не только и не столько прошлого, сколько будущего.

4. Разработка и продвижение в рамках культурного наследия феноменов и зон, связанных с межкультурным взаимодействием (типа «общих историй и совместных воспоминаний»), находящихся свое продолжение в культурной самоидентификации отдельных этно- и социокультурных групп и сообществ, способны служить эффективными инструментами снижения напряженности в обществе и повышения его внутренней сплоченности.

5. В силу указанных инноваций, сбережение и продвижение наследия выходят на первый план в культурной, образовательной, а в значительной степени – и научной стратегии ЮНЕСКО. Общее направление этого парадигматического сдвига, равно как возвращение руководства ЮНЕСКО на путь равноправного, конструктивного партнерства, наметившееся после избрания нового Генерального директора ЮНЕСКО (2025), открывают широкие и, насколько мы можем судить на настоящий момент, позитивные перспективы для сотрудничества как отечественного академического сообщества, так и общества в целом, с данной международной организацией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- [1] Call for Action: “The Spirit of Naples”, 2023. URL: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/UNESCO_CALL_FOR_ACTION_NAPLES.pdf (дата обращения: 25.04.2026).
- [2] Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Basic texts. – Paris : UNESCO, 2022. – P. 5-18.
- [3] Medium-term strategy 2014–2021 37 C/4. – Paris : UNESCO, 2014. – 33 p.
- [4] Medium-term Strategy 2022-2029. 41 C/4. – Paris : UNESCO, 2022. – 38 p.
- [5] MONDIACULT 2025.Outcome document. URL: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2025/09/EN_MONDIACULT_Outcome_Document%20Final%202027.09.25.pdf (дата обращения: 25.04.2026).
- [6] Pact for the Future, Global Digital Compact and Declaration on Future Generations. – New York : United Nations Organization, 2024. – 57 p.
- [7] Report by the Executive Board on its own activities and on programme implementation. Part I. Activities in 2024–2025, including its methods of work, 2025, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000396167> (дата обращения: 25.04.2026).
- [8] Report by the Executive Board on its own activities and on programme implementation. Part II. Implementation of the current programme and budget (42 C/5) with results achieved in 2022-2025, 2025. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000396174> (дата обращения: 25.04.2026).
- [9] UNESCO Framework for culture and arts education, 2024. URL: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2024/02/WCCAE_UNESCO%20Framework_EN_0.pdf (дата обращения: 25.04.2026).
- [10] UNESCO Global report on cultural policies. Culture: the missing SDG. – Paris : UNESCO, 2025. – 388 p.
- [11] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Москва, 23 декабря 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. 23.12.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2068373/ (дата обращения: 25.04.2026).
- [12] Культурное наследие — от прошлого к будущему. – Москва ; Санкт-Петербург : Ин-т Наследия, 2022. –390 с. – DOI 10.34685/NI.2022.99.34.001.
- [13] Спивак, Д. Л. Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО. – DOI 10.34685/NI.2023.37.95.011 // Культурологический журнал. – 2023. – № 2(52). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56). – Текст : электронный (дата обращения: 25.04.2026).
- [14] Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий / под ред. С.Ю. Житенева. – Москва : Ин-т Наследия, 2020. – 204 с. – DOI 10.34685/NI.2020.42.50.013.
- [15] Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. – Москва : Ин-т Наследия, 2022. – 576 с. – DOI 10.34685/NI.2022.58.44.003.

REFERENCES

1. Call for Action: “The Spirit of Naples”, 2023, available at: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/UNESCO_CALL_FOR_ACTION_NAPLES.pdf (accessed: 19.06.2017).

2. *Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Basic texts*, Paris, UNESCO, 2022, pp. 5-18.
3. *Entsiklopediya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Rossii. Posvyashchaietsya Godu nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Rossii* [Encyclopedia of intangible cultural heritage of Russia. Dedicated to Year of cultural heritage of people of Russia], Moscow, In-t Naslediya, 2022, 576 p.
4. *Kul'turnoye nasledie – ot proshlogo k budushchemu* [Cultural heritage – from past to present], Moscow; Saint Petersburg, In-t Naslediya, 2022, 390 p.
5. *Medium-term strategy 2014–2021 37 C/4*, Paris, UNESCO, 2014, 33 p.
6. *Medium-term Strategy 2022-2029. 41 C/4*, Paris, UNESCO, 2022, 38 p.
7. *MONDIACULT 2025. Outcome document*, 2025, available at: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2025/09/EN_MONDIACULT_Outcome_Document%20Final%2027.09.25.pdf (accessed: 25.04.2026).
8. *Pact for the Future, Global Digital Compact and Declaration on Future Generations*, New York, United Nations Organization, 2024, 57 p.
9. *Report by the Executive Board on its own activities and on programme implementation. Part I. Activities in 2024–2025, including its methods of work*, 2025, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000396167> (accessed: 25.04.2026).
10. *Report by the Executive Board on its own activities and on programme implementation. Part II. Implementation of the current programme and budget (42 C/5) with results achieved in 2022-2025*, 2025, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000396174> (accessed: 25.04.2026).
11. Spivak D.L. Dialog nasledij v kul'turnoj strategii UNESCO [Dialogue of heritages in cultural strategy of UNESCO], *Journal of Cultural Research*, 2023, no. 2(52), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56 (accessed: 25.04.2026).
12. *UNESCO Framework for culture and arts education*, 2024, available at: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2024/02/WCCAE_UNESCO%20Framework_EN_0.pdf (accessed: 25.04.2026).
13. *UNESCO Global report on cultural policies. Culture: the missing SDG*, Paris, UNESCO, 2025, 388 p.
14. *Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossiyskoj Federatsii S.V. Lavrova na obshchem sobranii Komissii Rossiyskoj Federatsii po delam UNESCO, Moskva, 23 dekabrya 2025 goda*, 23.12.2025, available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2068373/ (accessed: 25.04.2026).
15. Zhitenev S.Yu. (ed.) *Tsifrovizatsiya kul'tury i kul'tura tsifrovizatsii: sovremennye problemy informatsionnykh tekhnologij* [Digitization of culture and culture of digitization: present-day problems in information technologies], Moscow, In-t Naslediya, 2020, 204 p.

CULTURAL HERITAGE IN ACTUAL UNESCO STRATEGY

Spivak Dmitry Leonidovich,
D. in Philology, Chief researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. Most actual problems and prospects of elaboration and implementation of fundamental concept of cultural heritage in UNESCO Medium-term Strategy 2022-2029 are regarded, taking into account basic results of its first quadrennial period. Basing upon analysis of a number of strategic documents issued in its framework, from Outcome Document of UNESCO World Conference on Cultural Policies and Sustainable Development (MONDIACULT 2025) to UNESCO Global Report on Cultural Policies (2025), and Call for Action: “The Spirit of Naples”, adopted at the first UNESCO Conference on Cultural Heritage in the 21st Century (2023), and confirmed at the second one (2025), general paradigmatic shift is revealed, consisting in re-interpretation of heritage, as carrier of values, norms and behavioral patterns determining cultural identity of an individual and society. Protection and promotion of cultural heritage, interpreted along these lines, seems to be most constructive in providing support to society in building up its resilience to both natural disasters and armed conflicts, which makes it concerning not so much the past, but the future, as well.

Key words: UNESCO, Medium-term Strategy, cultural heritage, cultural diversity, intercultural dialogue.

Ссылка для цитирования:

Спивак, Д. Л. Культурное наследие в актуальной стратегии ЮНЕСКО. – DOI 10.34685/НИ.2026.13.84.008 // Журнал Института Наследия. – 2026. – № 3(46). – С. 106-117. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/888.html>. – Текст : электронный.
